

Михаил Кликин

Наш упырь

Михаил Кликин

Наш упырь

Серия «Деревенские истории», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180529
Новые легенды – 2: Азбука-классика; М.; 2005
ISBN 5-352-01617-X*

Аннотация

«Вовка стоял на склизких мостках, держал удочку двумя руками и, прикусив язык, внимательно следил за пластмассовым поплавком.

Поплавок качался, не решаясь ни уйти под воду, ни лечь на бок...

Клев был никакой, караси брали плохо и неуверенно, подолгу обсасывали мотыля и засекались не хотели. За всё утро Вовка поймал лишь двух – они сейчас плавали в алюминиевом бидоне, заляпанном сухой ряской...»

Михаил Кликин

Наш упырь

Вовка стоял на склизких мостках, держал удочку двумя руками и, прикусив язык, внимательно следил за пластмассовым поплавком.

Поплавок качался, не решаясь ни уйти под воду, ни лечь на бок...

Клев был никакой, караси брали плохо и неуверенно, подолгу обсасывали мотыля и засекались не хотели. За всё утро Вовка поймал лишь двух – они сейчас плавали в алюминиевом бидоне, заляпанном сухой ряской.

Позади что-то треснуло, словно стрельнуло, кто-то ругнулся глухо, и Вовка обернулся – из заповедных зарослей болиголова, в которых прятались развалины старого колхозного птичника, выходили какие-то мужики. Сколько их было, и кто они такие – Вовка не разобрал; он сразу отвернулся, крепче упёр в живот удилице и устоял на поплавке, пьяно шатающийся среди серебряных бликов.

– Мальчик, это что за деревня? – спросили у него. Голос был неприятный, сиплый, пахнувший табаком и перегаром.

– Минчаково, – ответил Вовка.

Поплавок чуть притоп и застыл. Вовка затаил дыхание.

– У вас тут милиционер где-нибудь живет?

– Нет... – Вовка понимал, что разговаривать со взрослыми

ми людьми, повернувшись к ним спиной, невежливо, но и отвлечься сейчас не мог – поплавок накренился и медленно двинулся в сторону – а значит, карась был крупный, сильный.

– А мужики крепкие есть? Нам бы помочь, мы там застряли.

– Нет мужиков, – тихо сказал Вовка. – Только бабушки и дедушки.

За его спиной зашептались, потом снова что-то стрельнуло – должно быть сухая ветка под тяжелой ногой, – и облупленный поплавок резко ушел под воду. Вовка дернул удочку, и сердце его захолонуло – легкое березовое удилище изогнулось, натянувшаяся леска взрезала воду, ладони почувствовали живой трепет попавшейся на крючок рыбины. Вовку бросило в жар – не сорвалась бы, не ушла!

Забыв обо всем, он потянул добычу к себе, не рискуя поднимать ее из воды – у карася губа тонкая, лопнет – только его и видели. Упал на колени, схватился за леску руками, откинул назад удочку, наклонился к воде – вот он, толстый бок, золотая чешуя! Он не сразу, но подцепил пальцами карася за жабры, выволок его из воды, подхватил левой рукой под брюхо, сжал так, что карась крикнул, и понес на берег, дивясь улову, не веря удаче, задыхаясь от счастья.

Что ему теперь было до каких-то мужиков!

Минчаково спряталось в самой глуши Алевтеевского рай-

она, среди болот и лесов. Единственная дорога связывала деревню с райцентром и со всем миром. В межсезонье она раскисала так, что пройти по ней мог лишь гусеничный трактор. Но тракторов у селян не было, и потому провизией приходилось запасаться загодя – на месяц-два вперед.

В этой-то дороге, кроме местных жителей никому не нужной, и видели селяне причину всех своих главных бед. Будь тут асфальт, да ходи автобус до райцентра – разве разъехалась бы молодежь? Была б нормальная дорога, и работа бы нашлась – вокруг торф, есть карьер гравийный старый, пилорама когда-то была, птичник, телятник. А теперь что?

Но с другой стороны поглядеть – в Брушково дорога есть, а беды там те же. Два с половиной дома жилых остались – в двух старики живут, в один на лето дачники приезжают. В Минчаково дачники тоже, бывает, наезжают, и людей побольше – десять дворов, семь бабок, четыре деда, да еще Дима слабоумный – ему давно за сорок, а он все как ребенок, то кузнечиков ловит, то сухую траву на полянах палит, то над лягушками измывается – не со зла, а от любопытства.

Так может и не в дорогах дело-то?..

Вернулся Вовка к обеду. Бабушка Варвара Степановна сидела за столом, раскладывала карты. Увидев внука, дернула головой – не мешай, мол, не до тебя сейчас. Что-то нехорошее видела она в картах, Вовка это сразу понял, спрашивать ничего не стал, скользнул в темный угол, где висела одежда,

по широким ступенькам лестницы забрался на печку.

Кирпичи еще хранили тепло. Утром бабушка пекла на углях блины – кинула в печь перехваченную проволокой вязанку хвороста, положила рядом два березовых полена, позвала внука, чтоб он огонь разжег, – знала, что любит Вовка спичками чиркать и смотреть, как с треском завиваются локонны бересты, как обгорают тонкие прутики, рассыпаются золой.

Блины пекли час, а тепло полдня держится...

Печка Вовке нравилась. Была она как крепость посреди дома: заберешься на нее, тяжелую лестницу за собой втянешь – попробуй теперь достань! И видно все из-под потолка-то, и на кухонку можно глянуть, и в комнату, и в закуток, где одежда висит, на шкаф и на пыльную полку с иконами – что где творится...

От кого Вовка прятался на печке, он и сам не знал. Просто спокойней ему там было. Иной раз уйдет бабушка куда-то, оставит его одного, и сразу жутко становится. Изба тихая делается, словно мертвая, и потревожить ее страшно, как настоящего покойника. Лежишь, вслушиваешься напряженно – и начинаешь слышать разное: то половицы сами собой скрипнут, то в печке что-то зашуршит, то по потолку словно пробежит кто-то, то под полом звякнет. Включить бы телевизор на полную громкость, но нет у бабушки телевизора. Радио висит хриплое, но с печки до него не дотянешься, а слезать боязно. Не выдержит порой Вовка, соскочит с печи,

метнется через комнату, взлетит на табурет, повернет круглую ручку – и сразу назад: сердце словно оторвалось и колотится о ребра, душа в пятках, крик зубами зажат, голос диктора следом летит...

Застучали по крыльцу ноги, скрипнула входная дверь – кто-то шел в дом, и бабушка, оставив карты, поднялась навстречу гостям. Вовка, стесняясь чужих людей, задернул занавеску, взял книжку, повернулся на бок.

– Можно ли, хозяйка?! – крикнули с порога.

– Чего спрашиваешь? – сердито отозвалась бабушка. – Заходите...

Гостей было много – Вовка не глядя, чувствовал их присутствие, – но с бабушкой разговаривал лишь один человек:

– У Анны они остановились.

– Сколько их?

– Пятеро. Велели сейчас же собраться всем и приходиться к избе.

– Зачем, сказали?

– Нет. У них там, кажется, один главный. Он и командует. Остальные на улице сидят, смотрят... Что скажешь, Варвара Степановна?

– А ничего не скажу.

– А карты твои что говорят?

– Давно ли ты стал к моим картам прислушиваться?

– Да как нужда появилась, так и стал.

– В картах хорошего нет, – сухо сказала бабушка. – Ну да

это еще ничего не говорит.

Вовка догадался, что речь идет о тех людях, что вышли из зарослей болиголова, и тут же потерял к разговору интерес. Подумаешь, пришли незнакомые мужики за помощью в деревню – застряла у них машина. Может, охотники; может лесники какие или геологи.

Читать Вовка любил, особенно в непогоду, когда ветер в трубе задувал, и дождь шуршал по крыше. Беда лишь, что книг у бабушки было немного – все с синими штампами давно разоренной школьной библиотеки.

– Раз велят идти – пойдём, – громко сказала бабушка. И добавила: – Но Вовку я не пущу.

– Это правильно, – согласился с ней мужской голос, и Вовка только сейчас понял, кто это говорит – дед Семён, которого бабушка за глаза всегда почему-то называла Колуном. – Я и Диму-дурачка брать не велел. Мало ли что...

Когда гости ушли, бабушка кликнула внука. Вовка отдернул занавеску, выглянул:

– Да, ба?

– Ты, герой, наловил ли чего сегодня?

– Ага... – Вовка сел, свесив ноги с печки, уперевшись затылком в потолочную балку. – Вот такого! – Он рубанул себя ладонью по предплечью, как это делали настоящие рыбаки, что в городе на набережной ловили плотву и уклейку.

– Где он? В бачке что ли? А поместился ли такой?

Бачком бабушка называла сорокалитровую флягу, стоящую под водостоком. В хороший дождь фляга наполнялась за считанные минуты, а потом бабушка брала из нее воду для куриных поилок, похожих на перевернутые солдатские каски из чугуна. Вовка же приспособился запускать в «бачок» свой улов. Каждый раз, вернувшись с рыбалки, он переливал карасей в алюминиевую флягу, сыпал им хлебные крошки и долго смотрел в ее темное нутро, надеясь разглядеть там загадочную рыбу жизнь. Бабушка первое время ругалась, говорила, что карасей в бачке держать не дело, если уж выловил – то сразу под нож и на сковородку, но однажды Вовка, смущаясь, признался, что ему рыбешек жалко, потому и дожидается пока они, снулые, начнут всплывать кверху брюхом. Бабушка поворчала, но внука поняла – и с тех пор вместе с ним ждала, когда рыба ослабеет; на сковородку брала лишь тех, что едва живые плавали поверху – тех, что не успели еще выловить вороны и соседские коты.

– Я его возьму, карася-то твоего, – сказала Варвара Степановна. – Надо мне, Вова.

Вовка спорить не стал – чувствовал, что бабушка встревожена не на шутку, и что желание ее – не пустая прихоть.

– А гулять ты больше не ходи. Посиди пока дома.

– Ладно...

Бабушка покивала, пристально глядя на внука, словно пытаясь увериться, что он действительно никуда не пропадет, а потом пошла на улицу. Вернулась она с карасем в руке –

и Вовка вновь изумился невиданному улову. Бросив карася на кухонный стол, бабушка зачем-то сняла с тумбочки вёдра с водой и принялась сдвигать её в сторону. Тумбочка была тяжелая – из дубовых досок, обитых фанерой. Она упиралась в пол крепкими ножками, не желая покидать насиженное место, и все же двигалась по чуть-чуть, собирая гармошкой тряпочный половик.

– Давай помогу! – предложил Вовка, из-за печной трубы наблюдая за мучениями бабушки.

– Сиди! – махнула она рукой. – Я уж всё почти.

Отодвинув и развернув тумбочку, бабушка опустилась на колени и загремела железом. Вовка с печки не видел, чем она там занята, но знал, что под тумбочкой лежит какая-то цепь. Видно, с этой цепью и возилась сейчас бабушка.

– Что там, ба? – не утерпев, крикнул он.

– Сиди на печи! – Она выглянула из-за тумбочки, как солдат выглядывает из-за укрытия. В руке ее был отпертый замок. – И не подсматривай!.. – Она вынула из ящика стола нож с источенным черным лезвием, взяла карася, глянула строго на внука, сказала сердито: – Брысь! – И Вовка спрятался за трубой, думая, что бабушка не хочет, чтоб он видел, как она станет выпускать кишки живой, шлепающей хвостом рыбине.

Поправив матрац и подушку, Вовка лег на спину, из кучки книг вытащил старый учебник биологии, открыл на странице, где было изображено внутреннее устройство рыбы, с ин-

тересом стал разглядывать картинку, на которой неведомый школьник оставил чернильную кляксу.

На кухне что-то скрипнуло, стукнуло. Вовка не обратил на шум внимания. Сказано – не подсматривай, значит надо слушаться. Бабушка Варвара Степановна строгая, ее все слушают, даже деды приходят к ней, чтоб посоветоваться...

Наглядевшись на рыбу, помечтав о будущих уловах, Вовка отложил учебник и взял книжку со стихами. Стихи были странные, слегка непонятные, они завораживали и чуть-чуть пугали. Картинки пугали еще больше – темные, туманные; люди на них походили на чудовищ, сильный ветер трепал грязные одежды, голые деревья, словно обрубленные куриные лапы, скребли когтями по черным тучам, отвестные скалы вздымались в небо, и бушевало, ворочалось грозное море – моря в этой книге было очень много.

Вовка зачитался, потерял ощущение времени – а потом словно очнулся. В избе было тихо, только ходики на стене щелкали маятником, и в щелчках этих чудился странный музыкальный ритм.

– Ба? – позвал Вовка.

Тишина...

– Ба! – ему сделалось жутко, как бывало не раз, когда он оставался один на один с этим домом. – Ба!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.